

*Спасибо тем, кто нам мешает,
Кто нам намеренно вредит,
Кто наши планы разрушает
И нас обидеть поровним!*

В. Тафм

К нам часто приезжают гости. И как это ни странно звучит, иностранцев среди них не редкость. За три с небольшим года работы среди восьмидесяти тысяч детей больше двух тысяч — иностранцы. Граждане стран Северной и Южной Америки, Австралии, Восточной и Западной Европы, Азии, Африки. Взрослый гость — иностранец тоже не редкость. И кто бы они были: политик, общественный деятель, журналист — «Артек» его приручает.

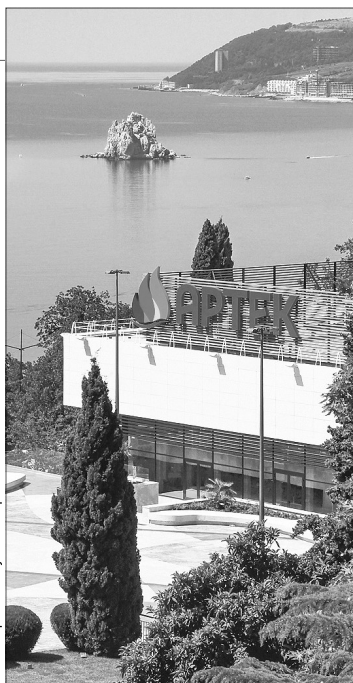
Побывав здесь, не хочется уезжать. И как бы трудно ни пролегал путь сюда, отсюда уехать сложнее. «Я буду плакать», — сказал бы каждый из них, как в свое время говорил Лис в сказке «Маленький принц». И думается мне, что это и слезы радости и слезы печали одновременно. И им больно расставаться и больно осознавать это, потому что их вряд ли кто-то поймет. Может, только дети в их далеких городах и странах, вдруг с ними поздоровавшись на улице, так же непринужденно, как это происходит в «Артеке», напомнят им место на карте Крыма под названием «Артек». Международная страна детства, гостеприимная и гордая тем, что принципы жизни героя Антуана де Сент-Экзюпери, здесь не написаны на бумаге, а реализованы в жизни. Вы скажете: этого не может быть. Тогда приезжайте или хотя бы послушайте.

Уже больше трех лет назад мне было предложено, чего-то обобщенного, — стать директором «Артека». Моя школьная жизнь проходила в годы перестройки и становления российской государственности, в которые, как, к сожалению, у нас водится, все «старое» заведомо плохое. Глядя на молодые государства сегодня, понимаешь, что эта болезнь роста не только наше заблуждение. Но тогда, боюсь сам, не изучаешь историю болезни других. «Артек» как детской мечты в моей жизни не было. Были джинсы, кроссовки, жевательная резинка. Был сникерс и даже папина первая машина стала для меня мечтой. Во внезапно открывшемся пространстве того времени мечты так быстро повзрослели, что детям того времени не оставили места на детство. Как сказала одна одиннадцатиклассница на встрече со мной этим летом в «Артеке»: «До приезда сюда я очень хотела повзрослеть. Мне казалось, что я вырасту и решу все свои проблемы взрослыми способами. А сейчас я понимаю, что хочу подольше остаться ребенком. Потому что здесь я научилась им быть».

Я был учителем, чиновником, менеджером крупных федеральных проектов, руководил общественной организацией, был проректором одного из самых молодых и лучших вузов России, но никогда не был первым, или, точнее сказать, последним в иерархии принятия решений. Тем более в организации, которую можно с уверенностью сравнить с маленькой страной, граждане которой — дети. «Артек» расположен на территории большей, чем княжество Монако. Обеспечивает себя всем сам. И по праву может считаться миром, которым предстояло мне управлять.

Приехав сюда, я увидел то, чего вообще не может быть, — святое место, до боли истерзанное отсутствием понимания его предназначения. Если убийство не было спланированной акцией, я удивлюсь. Но и убивать можно по-разному. Лучше сразу. Здесь не торопились.

Разлагающийся труп болел всеми недугами сразу: безволие и безделье, неприкрытое лукавство и воровство. Ханжество и лицемерие. Но сразу этого не видно. В глаза бросались гостиницы для взрослых и пивные ларьки на пляже. Левые путевки как план-задание и порт, уставленный частными лодками. Заказанные, но доставленные не в полном объеме продукты, лекарства, расходные материалы, бензин.

Пресс-служба «Артека»

Организованные места для курения детей в лагерях и заказ платной еды и спиртных напитков в палату пионера. Все работало как отлаженный механизм. Одни участвовали, другие старались не замечать, чтобы не было так больно.

Больно от безысходности. Многие от нерешимости и веры в обещания остались в безвременье. Единички, но такие тоже есть, не могли жить по-другому. Все сказанное породило социальные, даже коммунальные язвы на теле «Артека». Взрослое общество в детском центре начало диктовать свои правила, объясняя это правами трудящихся.

« Мы первыми в стране приняли тех, кого никогда и никуда не брали. Не всех, но мы очень стараемся »

Но осталась вера. Вера в то, что смех и радость более полутора миллионов детей, случившиеся здесь за долгие 92 года жизни лагеря, вернутся сюда в привычном объеме, затмив все своим звучанием и чистотой.

За долгие годы своей работы в Тверской области я видел большое количество разрушенных храмов. Время, безразлично или злой умысел разрушали их. Они умирали стоя, с чувством собственного достоинства на безлюдных просторах Центральной России. Но когда заходишь в них, нет ощущения смерти. Есть что-то, живущее вне стен и куполов. Так и в «Артеке» в 2014-м.

За три года мы сделали то, чего вообще не может быть, — ремонтировали и строили, чистили и выращивали, учили и воспитывали, зарабатывали и тратили. Жили в мире детей и миром детей, не давая себе расслабиться. Здесь вновь главным стал ребенок с его нуждами и желаниями. Мы научились говорить на его языке, думать, как он, видеть его глазами. Это позволило нам в сети современной музыки на итоговой массовке (дискотеке) на сцене, перед тремя с половиной тысячами детей (а именно столько ежесменно принимает «Артек» сегодня) танцевать лезгинку под ликование

толпы, читать заповедь Киплинга в многоголосие как клятву артековца, в Крыму на Дворцовой площади «Артека» подслушивать признание в любви американского мальчика-девочки из Луганска.

Мы первыми в стране приняли тех, кого никогда и никуда не брали. Не всех, но мы очень стараемся. Преодолевая страх, непонимание, взрослые привычки, мы знаем, что мир состоит из всех, и каждый в нем ценен.

Мы воссоздали бренд, и наши партнеры продали первые партии мороженого «Артек» в разных странах мира, пополнив рублем наш счет за каждую купленную порцию. А за ними форма,

Этого вообще не может быть — это нечестно. Нечестно бояться приехать туда, куда хочешь. Нечестно стесняться своего прошлого и прошлого своей семьи, а у многих оно связано с Россией. Нечестно интересоваться как бы «для галочки», хотя на самом деле ощущать неистовый интерес. Нечестно писать так и то об «Артеке», что напечатать, опубликовать. Нечестно государствам и их официальным представителям запрашивать списки фамилий юных граждан, послушавших рекомендаций их внешнеполитических ведомств, называя это принуждением к демократии. Глядя на детей и гостей «Артека» из других стран

Правда о том, чего вообще НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Директор «Артека» — о возрождении бренда

Пресс-служба «Артека»

Алексей Каспржак и его «артековцы»

питьевая вода, соки и многое другое. Ведь покупка чего-то артековского — скорее благодеяние, нежели желание приобретения.

А по-другому здесь и не бывает. И монумент дружбы народов мира, автор которого — неизвестный, не мог сохраниться в несвободном советском «Артеке». Слова и песни «Машины времени» не могли звучать на утренней зарядке, а стихи Бродского — на острейшем круте перед сном. Он был таким всегда, но просто немного это подавлял. Мир детей, живущих вне обстоятельств и условностей. Мир, в котором хвалят и мотивируют к новым победам, а не отмечают недостатки и отсеивают за неудачи. Мир, в котором верят в возможности каждого и доверяют каждому. Френсис Фукуяма писал про мир взрослых, но ему вряд ли суждено случиться без такого, как в «Артеке», мира детей.

Мы стали законодателем, стандартом отношения к детям. И не только для России. Приезжая сюда, ребенок действительно понимает, что реализация его мечты, желания, надежды — цель деятельности взрослого. Не потому что он нужен, а потому что это он важен.

мира, ты понимаешь, что то отношение и те опасения, с которыми сюда приезжают они, нечестно, несправедливо. И не потому, что «Артек» — лучший лагерь в мире и сюда можно только мечтать попасть. А потому, что, несмотря на санкции, аннексии и другие взрослые обстоятельства, это место на карте существует. Нельзя отрицать наличие того, что есть, было и будет вне зависимости от мнения других. Можно, конечно, закрыть глаза. Но «самого главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце».

Возможно, известный российский актер, режиссер, поэт, писатель, публицист Леонид Филатов прав, и сказочный герой Федот-Стрелец только в сказке может добыть то, чего вообще не может быть. Тогда, вне времени и пространства, на Крымском полуострове живет сказка, лишать которой своих детей и есть санкция (ограничение), примененная вами против самих себя.

Алексей КАСПРЖАК,
директор «Артека»